

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.161.1'37

Папейко Анатолий Анатольевич

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и методики
начального образования
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова
г. Могилёв, Республика Беларусь

Anatoly Papeiko

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Theory and Methodology
of Primary Education
Mogilev State University
named after A. A. Kuleshov
Mogilev, Republic of Belarus
E-mail: anatoly_papeiko@mail.ru

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЖИЗНИ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ:
ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ СУБЪЕКТА**

**METAPHORICAL UNDERSTANDING OF LIFE
IN THE POETIC DISCOURSE OF M.I. TSVETAEVA:
VERB CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING OF SUBJECT**

Статья посвящена рассмотрению семантики глагольных конструкций в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой, в которых лексический репрезентант концепта «жизнь» выступает в обобщенном значении субъекта. Исследование проведено на базе документов, размещенных в поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка. Выводы затрагивают такие существенные черты поэтического дискурса М. И. Цветаевой, как активность и персонификация жизненного начала, динамика образного осмысления, усиление экспрессии за счет экономии языковых средств.

Ключевые слова: концепт; лексический репрезентант; русская поэзия; поэтический дискурс; семантика; глагольная метафора; М. И. Цветаева.

The article is devoted to the consideration of the semantics of verbal constructions in the poetic discourse of M.I. Tsvetaeva, in which the lexical representative of the concept life appears in the generalized meaning of the subject. The study was conducted on the basis of documents located in the poetry corpus of the National Corpus of the Russian Language. The conclusions touch upon such essential features of M.I.'s poetic discourse. Tsvetaeva, as activity and personification of life, the dynamics of figurative comprehension, increased expression due to saving linguistic means.

Key words: concept; lexical representative; Russian poetry; poetic discourse; semantics; verbal metaphor; M.I. Tsvetaeva.

Данные, отраженные в настоящей статье, были получены в ходе диссертационного исследования по теме «Ключевые концепты русского поэтического дискурса XX – начала XXI веков в синхронии и диахронии: семантико-статистическое моделирование», актуальность которого объясня-

ется необходимостью осмысления динамических изменений, проявляющихся при сопоставлении семантики значимых единиц словаря в рамках каждого из трех важнейших периодов русской поэзии XX – начала XXI веков (Серебряный век, поэзия «шестидесятников», рубеж XX–XXI вв.).

Теоретическую базу исследования составили труды Ю. С. Степанова [1], Ю. Д. Апресяна [2], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [3], Ю. Н. Караулова [4], А. Д. Шмелева [5] и др. В качестве источника фактического материала были использованы документы, размещенные в поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка [6].

Учитывая формально-грамматическую и смысловую сторону языкового знака, мы выделили 5 основных семантико-синтаксических секторов, составляющих содержательную сторону лексического репрезентанта концепта «жизнь» как одного из ключевых элементов языковой картины мира: 1) метафорический перенос наименования (имена существительные); 2) сравнение (имена существительные); 3) качественная характеристика (имена прилагательные); 4) конструкции со значением субъекта (глаголы); 5) конструкции со значением объекта (глаголы).

Целью настоящей статьи является рассмотрение группы глагольных конструкций со значением субъекта как образной характеристики жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой.

Спектр обобщенных глагольных значений, в рамках которых реализуется семантика *жизни* как субъекта, разнообразен – это действие, состояние, отношение, проявление и изменение признака и др.; при этом в подавляющем большинстве случаев актуализируются переносные, образно-метафорические значения глаголов. Интересно, что метафорическое осмысление жизни часто соотносится с понятием персонификации, т. е. жизнь в качестве глагольного субъекта в сознании читателя по замыслу автора должна отождествляться с человеком: совершать свойственные человеку поступки, иметь его характерные черты – словом, выступать в качестве антропоморфного существа. В смысловом отношении субъектные глагольные метафоры, отмеченные в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой, могут быть описаны следующим образом.

1. «Желание, отношение». Семантика желания, отношения представлена глаголами *не хотеть*, *терпеть*. Первый из них с учетом отрицания не выражает потерю человеком желания, стремления, потребности продолжать жить (напомним, что жизнь в поэтическом дискурсе наделяется «человеческими» чертами, поэтому в определенной степени между понятиями *человек* и *жизнь* возможен знак контекстуального смыслового равенства). Утрата интереса к жизни может быть вызвана разными причинами, в первую очередь она обусловлена усталостью от безрезультатного противостояния и противодействия окружению – людям, обществу, реальности с ее жесткими обезличенными законами: *От участковых, от касто- / вых – уставшая...* В качестве своеобразного «усилителя» изобразительно-вы-

разительной стороны может использоваться синереза – риторическая фигура речи, выражающая противопоставление без реального или мнимого противоречия и приобретающая особенную яркость на фоне антонимической пары «жизнь – смерть»: *Жизнь не хочет жить... но часто / Смерть не хочет умереть!* Глагол *терпеть* служит для характеристики окружающей реальности как субъекта принятия / непринятия людей разного склада, при этом реальность воспринимается как лицо крайне нетерпимое по своей природе, с некоторой благосклонностью относящееся только к выкрестам; очевидно, слово *выкресты* в данном случае относится не к лицам, перешедшим в христианство из другой веры, а в расширенно-переносном смысле к людям вообще, которые из корыстных соображений способны предавать прошлое, манифестировать изменение своих убеждений, публично и, скорее всего, лицемерно заявлять о них: *Жизнь, – только выкрестов терпит, лишь / Овец – палачу!*

2. «Звук». Звуковое значение в некоторой степени можно отметить во многих глаголах, т. к. действие по своей природе часто сопровождается теми или иными звуками, но особенно четко проявляется сема звучания в следующих случаях: *выстукивать, провыть, прогудеть, пропеть*. Заметно, что в каждом из приведенных примеров звук как таковой служит для выражения иных смысловых пластов, актуализирующихся в том числе благодаря грамматической форме. Так, глагол *выстукивать*, употребленный в форме настоящего времени, приобретает значение ‘заявлять о чем-либо’, тем самым жизнь характеризуется как активное начало, обладающее неотъемлемыми правами и открыто заявляющее о них: *Из слуховых глушизн / Высокие права / Выстукивает жизнь*. Глаголы *провыть, прогудеть, пропеть*, помимо обозначения собственно звуковой составляющей, во-первых, отражают жизнь как субъект определенного чувства, состояния; во-вторых, свидетельствуют об «интровертности» жизни как субъекта, если учесть сочетание *сама над собой*; в-третьих, в контексте формы прошедшего времени указывают на преходящий, конечный, недолговечный характер жизни: *Это жизнь моя пропела – провыла – / Прогудела – как осенний прибор – / И проплакала сама над собой*.

3. «Воплощение в реальность». Семантика соответствия, соотношения жизни и реальной действительности вводится полнозначными глаголами *грезиться, сбыться*, выступающими в функции простого глагольного сказуемого (о способности глаголов представления выступать в иных синтаксических функциях, в частности в качестве полузнаменательной связки в составном сказуемом, см., например, [7]). *Грезиться* характеризует жизнь как нечто придуманное, мнимое, существующее только в сознании; при этом происходит взаимное замещение смысловых полюсов в оппозиции «мнимое – реальное», соотносимое со случаями взаимного обращения полюсов в оппозициях «жизнь – смерть», «хорошее – плохое», в результате чего представления о жизни приобретают значение реальности, а окру-

жающая действительность отождествляется с чем-то эфемерным, призрачным, со сновидением: *Уснуть, забыться бы с отрадной думою, / Что жизнь нам грезится, а это – сон!* Глагол *сбыться*, четко указывая на ирреальную модальность понятия жизни, при этом называет также причину, по которой жизни «не могут сбыться», т. е., почему в жизни отдельного человека невозможно воплощение истинных, сокровенных, самых значимых устремлений, и в роли такой непреодолимой преграды названа суета (*дребезг, свист*), наступающая с рассветом и символизирующая бытийные законы окружающей реальности: *Если бы – не – рассвет: / Дребезг, и свист, и лист, / Если бы не сует / Сих суета – сбылись / Жизни б...*

4. «Обещание». Семантику обещания представляют единицы *давать обеты, лгать*. Первая их них – это фразеологизм, имеющий выраженную высокую стилистическую окраску и означающий обещание, данное Богу или перед Богом; здесь содержится только обозначение факта неоднократных обещаний, а «расшифровка» будущего результата (т. е. сдержит ли жизнь как субъект свои обещания) целиком оставлена на усмотрение читателя, хотя в контексте сочетания *разочарования протяжность* более вероятными представляются нарушение обещаний, несбыточность надежд: *Жизнь! – Без голоса вступает в дом, / В полной памяти дает обеты... <...> ... вдоль всей голосовой версты / Разочарования протяжность*. Вторая единица – глагол *лгать* – имеет более широкую семантику (т. е. обозначает не только нарушение обещаний, но и передачу неправды, ложной информации в целом), однако вместе с тем сообщает результат, лишенный какой бы то ни было вариативности трактовки и усиленный в смысловом и экспрессивном плане соседствующими лексемами (*неподражаемо, сверх*), в результате чего появляется смысл как обилия лжи, так и ее изощренности: *Неподражаемо лжет жизнь: / Сверх ожидания, сверх лжи...*

5. «Адресат повеления». В данном случае речь идет об употреблении *жизни* в качестве субъекта будущего действия, просьба или повеление о совершении которого высказывается в настоящий момент: *понравься, уйди*. Таким образом, жизнь предстает еще и в роли субъекта взаимодействия с говорящим, выступающим в момент речи в качестве лица, выражающего интенцию, направленную на удовлетворение какой-либо его потребности. Потребность при этом может быть вызвана динамически изменяющимся или статичным отношением говорящего к собеседнику, т. е. к жизни. В случае с глаголом *понравься* говорящий (автор) выражает текущее приятное отношение к собеседнику (жизни) и одновременно просит его еще какое-то время оставаться таким же, сохранять свои качества в преддверии будущих неизбежных изменений; здесь можно усмотреть аллюзию на строку из стихотворения Ф. И. Тютчева «Последняя любовь» – *Продлись, продлись, очарованье*; сравн. с отрывком из стихотворения М. И. Цветаевой «Последний моряк»: *Как та с матросом – с тобой, о жизнь, / Торгуюсь: еще минутку / Понравься!..* В случае с глаголом *уйди* выражается, напротив,

неприятное отношение говорящего к своему собеседнику; неприязнь воспринимается как особенно сильная с учетом того, что уход жизни фактически означает ее прекращение, т. е. смерть самого говорящего: *Уединение: уйди, / Жизнь!*

6. «Исчерпаемость». О восприятии жизни как исчерпаемой субстанции свидетельствуют глаголы *истекать, хлестать*. Важно, что в предметно-вещественном плане жизнь при этом отождествляется с кровью, – напомним, что, согласно Библии, кровь являетсяместилищем души, жизненного начала, созданного Богом и полностью ему принадлежащего. По этой причине кровь запрещено употреблять в пищу, ее можно только приносить на алтарь в качестве жертвы либо выливать на землю при убое скота. Тем бóльшую экспрессию и полисемантическую приобретает образ жизни-крови, которую говорящий предоставляет окружению именно в качестве пищи; здесь уместна параллель с Тайной вечерей, во время которой Иисус Христос, предлагая своим ученикам вино и съестное, назвал находящееся на столе пресуществлением в Тело и Кровь Христовы. Интересно, что в качестве названия посуды для крови М. И. Цветаева употребила слово *миска*, в контексте его значение может восприниматься как сниженное (сравн.: *чаша, бокал* и т. п.) и тем самым выражать пренебрежительное отношение говорящего к окружающим: *Вскрыла жилы: неостановимо, / Невосстановимо хлещет жизнь. / Подставляйте миски и тарелки!*

7. «Проявление активности». Значение проявления активности жизни представлено глаголами *распахнуться, расцвести*. В этом случае четко прослеживаются три направления семантизации художественного образа. Во-первых, это наделение самого понятия жизни чертами живого существа, человека (*распахнуться как раздвинуть полы своей одежды*) или объекта живой природы, растения (*расцвести*). Во-вторых, это пространственная характеристика жизни, указывающая на ее простор (*распахнуться как широко раздвинуться, отвориться*), ассоциируемый со свободой, возможностями. В-третьих, это дополнительный оттенок сожаления, присутствующего в «палитре ощущений» говорящего, сопровождающий и оттеняющий радость (реализуется сочетанием *но всё же*): *Жизнь распахнулась, но всё же... / Ах, золотые деньки!*

8. «Жизнедеятельность». Семантику жизнедеятельности представляют глаголы, обозначающие осуществление либо прекращение функций организма: *жить, засыпать, проплакать, тонуть*. При этом в каждом случае реализуется существенная смысловая составляющая. Так, глагол *жить* не столько указывает на функционирование организма, сколько называет, что именно является основной образной характеристикой либо движущей силой жизни, при этом в качестве объекта метафорического сопоставления, символизирующего необузданность проявления, может выступать стихия огня (*У огня на жалованьи / Жизнь живёт пожарами*), а в качестве движущей силы и «фонового чувства» – ревность (*Ревностью жизнь жива*).

Глагол *засыпать*, означающий переход в состояние сна, проводит параллель между замедлением, приостановкой окружающей жизни и некоторым успокоением, наступающим в душе по прошествии времени после травмирующего, ранящего события: *За окнами жизнь засыпала, / Уступала забвенью измена...* Глагол *проплакать*, наряду с обозначением собственно слезоотделения, акцентирует внимание на чувстве, вызывающем у жизни как субъекта данную реакцию, на сожалении жизни о самой себе (см. также сказанное в п. 2 о глаголах со значением звука *провыть, прогудеть, пропеть*). Глагол *тонуть* репрезентирует контекстуальное отождествление жизни с любимым человеком и служит объяснением состояния, в котором находится в момент гибели другого человека сам говорящий: *Окаменев – тупо – гляжу, / Как моя жизнь – тонет.*

9. «Отношение к месту». Семантика отношения к месту вводится в поэтический дискурс глаголами *лежать, вступать*. При этом жизнь может выступать и как субъект статичный, не меняющий своего местоположения, и как субъект, перемещающийся в пространстве. Показательно, что в обоих случаях прослеживается четкое «очеловечивание» жизни, ее отождествление с каким-либо лицом (*белый всадник, обезголосившая дива*). Кроме того, в рамках подгруппы отношения к месту мы замечаем пример имплицитного представления языковой единицы, т. е. тот случай, когда языковая единица в тексте не употребляется (вероятно, с целью экономии языковых средств и усиления экспрессии), но легко восстанавливается из контекста, как это происходит в случае с глаголом *лежать*: *Белый всадник – мой друг любимый, / Нынче жизнь моя – лбом в снегу.*

10. «Начало – конец». Темпоральная характеристика в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой соотносит жизнь с ее началом и концом, данная семантика эксплицируется при помощи глаголов *начинаться, отойти*. Знакомство с ближайшим контекстом первой из названных единиц позволяет заметить, что этап начала жизни оказывается связанным не только с определенной временной точкой, но и с пространственно-событийным планом, заключенным наряду с хронологической составляющей в адвербиальном маркере начала (*отсюда*): *Отсюда / Жизнь начинается твоя*. Любопытно, что стадия начала при этом обозначается напрямую, непосредственно, а стадия конца жизни вводится в поэтический дискурс эвфемистическим путем (сравн. употребленный в тексте вариант *отойти* с возможным «прямым» вариантом *закончиться*): *Отошла январским оловом / Жизнь с её обидами.*

11. «Физический контакт». Семантика физического контакта представлена репрезентантами *держать, разжать*. Первый, наряду со значением прикосновения, реализует сему управления, подчинения, при этом конкретная «расшифровка» употребленной формы повелительного наклонения *держи* обладает широким интерпретационным спектром и может быть понята читателем поливариантно – ‘получай в свое распоряжение’, ‘держи

возле себя', 'оказывай поддержку', 'удерживай от нежелательных поступков' и др.: *Жизнь: держи его!* Персонифицированный маркер *разжать* характеризует жизнь как сущность, динамически изменяющуюся во времени и тем самым напоминаящую человека, чей внутренний мир (понимание происходящего, отношение к себе и окружающим, восприятие важности тех или иных событий) изменяется с возрастом: *Всё пройдет! Виски в ладонях сжаты, / Жизнь разожмет!*

12. «Соединение». Семантика соединения репрезентируется глаголами *венчать*, *слиться*. Первый из них представляет сему соединения в церковном, теологическом плане; при этом чин благословения брака – понятия священного и нерушимого для истинно верующих – в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой предполагает возможное и даже неизбежное нарушение супружеской верности: *Научил не хранить кольца, – / С кем бы жизнь меня ни венчала!* Второй репрезентант помогает ввести название атрибута, сопровождающего жизнь на каком-либо ее этапе, неотделимого от нее, метафорически отражающего ее черты (в нашем случае в качестве такого атрибута выступает гармонь): ... *ладонь с ладонью – / Так наша жизнь слилась с гармонью.*

13. «Литературная деятельность». Семантика жизни как субъекта литературной деятельности представлена повторяющимся глаголом *рифмовать*. В данном случае прием персонификации, «очеловечивания» самого понятия жизни проявляется особенно сильно: если выть, петь, гудеть и даже плакать могут многие живые существа (см. вышесказанное в п. 2 и п. 8), то заниматься литературной деятельностью – *рифмовать* – способен только человек. Кроме того, глагол *рифмовать* за счет расширения семантики может быть «расшифрован» как *отождествлять*, *приравнивать* и по этой причине рассмотрен в качестве отражения сущностных черт жизни, проявляющихся в ассоциативной связи со словами *лживо* и *жир*, что предполагает разнообразие вариантов читательской интерпретации: *Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, – / Безошибочен певчий слух!*

Особняком, т. е. вне вышеописанных подгрупп глагольных сочетаний со значением субъекта, стоят репрезентанты *даваться*, *оглянуться*. В контексте поэзии Серебряного века в целом, а также с учетом всех групп образного осмысления жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой, данные единицы помогают раскрыть существенные черты образного восприятия жизни. Так, предикат *оглянуться* в совокупности с препозиционным отрицанием *не* означает преходящий, конечный характер жизни, неизбежность наступающих с течением времени изменений, безвозвратность утраченного (см. также вышесказанное в п. 2.): *И не оглянется / Жизнь крутобровая!* Репрезентант *даваться* с примыкающим адвербиальным уточнением *дорого* создает образ жизни как высочайшей ценности, которую надо заслужить своими внутренними качествами, поступками, умением сопротивляться «неправильным» законам окружающей реальности; одно-

временно дается оценка «правильной» жизни как трудной, требующей значительных душевных усилий: *Некоторым, без кривизн – / Дорого дается жизнь.*

Обобщив сказанное, сформулируем следующие основные выводы.

1. Жизнь в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой предстает как активное начало, что находит отражение в семах звука, движения, осязательных ощущений и др. При этом в ряде случаев жизнь очевидно персонифицируется, т. е. выступает в качестве субъекта собственной воли, способного на поступки, не зависящие от желаний говорящего. Активность, необузданность проявлений жизни приравниваются к стихии огня, при этом главными движущими силами жизни являются сильное чувство, страсть на фоне таких персонифицированных качеств, как интровертность, лживость, стремление к самореализации, противопоставление окружению.

2. Для поэтического дискурса М. И. Цветаевой характерно осмысление жизни как явления временного, недолговечного, имеющего конечный характер. Исчерпаемость жизни проявляется особенно заметно на фоне динамики отношения к жизни и взаимоотношений с нею как субъектом чувства, мысли, действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанов, Ю. С.* Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. проект, 2004. – 992 с.
2. *Апресян, Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // *Вопр. языкозн.* – 1995. – № 1. – С. 37–67.
3. *Попова, З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд. – Воронеж, 2003. – 192 с.
4. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Изд-во «ЛКИ», 2010. – 264 с.
5. *Шмелев, А. Д.* Русская языковая модель мира : материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки слав. культуры, 2002. – 224 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ruscorpora.ru. – Дата доступа: 30.08.2023.
7. *Голайденко, Л. Н.* Глаголы с семантикой представления в функции полужнаменательной связки в составном сказуемом: реализация модальных значений (на материале художественной прозаической речи) / Л. Н. Голайденко // *Нац. ассоциация ученых (НАУ). Сер. Филол. науки.* – 2015. – № 6 (11). – С. 56–61.

Поступила в редакцию 26.09.2023